

STUDIA HISTORICA
Georges Duby

Les trois ordres
ou
l'imaginaire
du féodalisme

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication *Pouchkine*
avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie

EDITIONS GALLIMARD

Жорж Дюби

ТРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ,
ИЛИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА
О СЕБЕ САМОМ

Перевод с французского
Ю. А. Гинзбург

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

Издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н.С. Автономова, Т.А. Алексеева, М.Л. Андреев, В.И. Бахмин,
М.А. Веденипина, Е.Ю. Гениева, Ю.А. Кимелев, А.Я. Ливергант,
Б.Г. Капустин, Ф. Пинтер, А.В. Полетаев, И.М. Савельева,
Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva,
Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances
Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina,
Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Дюби Жорж

Д 95

Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 320 с. – (Studia historica).

ISBN 5-7859-0125-0

Книга Жоржа Дюби, одного из крупнейших французских медиевистов, посвящена социальным представлениям Средневековья. Это прежде всего история того, что думало средневековое общество о себе самом. Но это и рассказ о том, как соотносились такие размышления с действительностью, как они вписывались в более общие идеологические системы, какие корни они имели в предшествующих эпохах и какое получили развитие в последующих. Если географическое пространство исследования очерчено достаточно жестко – Север Франции, то мыслительное его пространство отнюдь не ограничивается рамками одной проблемы и одного отрезка истории.

ББК 63.3(4Фра)5-3

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

5-7859-0125-0

ISBN 5-7859-0125-0

9 785785 901254 >

© Editions Gallimard. 1978

© Ю. А. Гинзбург. Перевод на рус. яз., 2000

Оглавление

От автора	7
Поле исследования	9
Появление	21
I. Первое изложение	21
II. Герард Камбрейский и мир	29
III. Адальберон Ланский и королевская миссия	49
IV. Система	60
Происхождение	65
I. Иерархия	69
II. Сердечное согласие	72
III. Порядки	75
IV. Функции: молиться и сражаться.	78
V. Троичность	82
<i>Дудон Сен-Кантенский</i>	84
<i>Аббон из Флери</i>	87
<i>Могущественные и бедные</i>	92
<i>Англичане</i>	98
VI. Небесный образец.	109
Обстоятельства	117
I. Политический кризис	120
II. Конкурирующие системы	123
<i>Ересь</i>	124
<i>Мир Божий</i>	128
<i>Клюнийская конгрегация</i>	132
III. Феодалная революция	138
Затмение	155
I. Время монахов	157
II. Флери	167
<i>Хельгот</i>	167
<i>Андре</i>	170
III. Клюни	176
<i>Рауль Глабер</i>	176
<i>Крестовый поход и что за ним последовало</i>	181
IV. Новые времена	189
V. Последний взлет монашества	198

VI. В школе	210
Учители из Лана	215
Гуго Сен-Викторский	218
Гонорий Августодунский	223
VII. На службе у князя	231
Гальберт из Брюгге	232
Иоанн Солсберийский	236
Возвращение	243
I. Настоящее начало	243
«Три порядка»	243
Жан из Мармутье и Этьен де Фужер	251
Вокруг Генриха Плантагенета	255
II. Рыцарство	262
Посвящение	262
Превосходство	270
III. Очаги сопротивления в Париже	276
IV. Противоречия феодализма	288
Деньги	288
Социальный страх	292
V. Утверждение	300
Искусство любви	300
Бувин	308

От автора

В декабре 1970 г. я начинаю преподавать в Париже и стараюсь объединить вокруг себя исследователей. Жак Ле Гофф мне помогает. Организуется семинар. Мы вместе решаем поразмышлять над трехчастной схемой общества в ее изначальных проявлениях. В течение трех лет среди этой группы ученых, а также той, которую я по-прежнему возглавляю в Экс-ан-Провансе, дискуссии идут вокруг этой проблемы. Они плодотворны. В марте 1973 г. Жорж Дюмезиль изъявляет согласие на то, чтобы на заключительном заседании мы представили ему наши выводы. Я попытался собрать разрозненные результаты исследования, выстроить их, дополнить, — и получилась эта книга. Не следует приписывать кому-либо из участников работы решающий вклад. Но я не могу назвать всех, кто, порой одной фразой, высветил то или иное место на этом темном поле. Они увидят, чем им обязан этот труд. Для меня важно сказать, что он в немалой степени принадлежит им.

Борекёйль, июль 1978

ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Одни особо посвятили себя служению Богу; другие — охранению государства силой оружия; третьи — прокормлению и поддержанию его мирными занятиями. Это и есть наши три порядка, или основные сословия Франции — Духовенство, Дворянство и Третье Сословие.»

Это утверждение — одно из тех, которыми начинается «Трактат о Сословиях и Простых Званиях», опубликованный Шарлем Луазо из Парижа в 1610 г.; едва выйдя в свет, он приобрел репутацию весьма полезного сочинения и постоянно переиздавался на протяжении XVII в. В таких словах здесь дается определение социальному порядку, то есть порядку политическому, то есть порядку как таковому. Три «сословия», три установившиеся, твердые категории, три иерархические разряда. Как в школе, как в этом образце общества, где детей учат сидеть смиренно, быть послушными, знать свое место, подчиняться, делиться на классы, — старшие, средние, младшие: первое, второе, «третье» сословие. Или, вернее, три «порядка» — это слово Луазо несомненно предпочитает. Высший обращен к небу, два других к земле, и все три поддерживают государство, средний порядок обеспечивает безопасность, низший кормит остальных. Итак, три взаимодополняющие функции. Треугольная солидарность. Треугольник: основание, вершина, а главное — принцип троичности, который таинственным образом создает ощущение равновесия.

Ведь когда Луазо чуть дальше, на странице 53 издания 1636 г., доходит до дворянства, он ясно говорит, что эта социальная группа неоднородна, что в ней различные слои, ступени выстраиваются друг над другом, что все здесь зависит от ранга, от старшинства, что люди здесь порой сражаются между собой, чтобы определить, кто первым переступит порог, сядет, покроет голову. Луазо хотел бы внести порядок и в такую запутанную вещь. Он решает разделить это множество степеней на три разряда. Почему на три? Никакая традиция, никакой обычай, никакой авторитет не требуют трехчастного деления в этом случае. *«Ибо, — говорит Луазо, — совершеннейшее деление есть деление на три вида.»* Совершеннейшее: вот в чем дело. В совершенстве. В хитросплетениях и беспорядке подлунного мира важно выделить оси гармоничной и разумной конструкции, которая как будто соответствует замыслам творца.

В самом деле, если тройственность главных сословий, или порядков, составляет ту неколебимую основу, на которую намерена опираться монархия Старого Режима, то это потому, что соединение троичных структур, в которое помещены социальные отношения, само включено в глобальные структуры, в структуры всей вселенной, видимой и невидимой. Луазо это утверждает в длинном предварительном рассуждении. Пролог этот не следует читать как формальное украшение. Это разговор по существу. Это обоснование.

«Нужно, чтобы был порядок во всех вещах, и для благоприличия, и для управления ими.» Чтобы каждая «вещь» была на своем месте и чтобы все были управляемы. Возьмем иерархию Творения, три ее этажа. Внизу — неодушевленные существа; они, по всей очевидности, классифицируются по степени совершенства. Надо всем — «небесные разумения», ангелы; они, как мы знаем, распределены по чинам в неизменном порядке. В промежутке — животные; Бог их всех подчинил людям. Что до этих последних — они и составляют

предмет «Трактата», — то они, имея свободу выбирать между добром и злом, живут в наименьшей стабильности; однако *«они не могут существовать без порядка»*; следовательно, ими надо управлять. Вот главная идея: идея необходимости руководства, а значит, необходимости подчинения. Одни подчинены другим. Они должны повиноваться. Луазо здесь прибегает к сравнению из военной области: он говорит о «приказах», которые отдаются и передаются из полка в роту, затем во взвод, и которые следует исполнять без промедления и ропота. Силу армии составляет дисциплина. Она же составляет силу государства. Она дает прочность миру.

Но дисциплина требует неравенства. *«Мы не можем жить совместно в равенстве состояний; необходимо, чтобы одни повелевали, а другие повиновались. Повелевающие делятся на несколько порядков, чинов и званий.»* Приказ идет сверху. Он распространяется иерархическим путем. Последовательность ступеней обеспечивает его распространение. *«Верховные сеньоры повелевают всеми сеньорами в своем государстве, обращая повеления к великим, великие к средним, средние к малым (тройственная иерархия устанавливается сама собой, как видно, между действующими лицами верховной власти, под единым началом ее носителя), а малые — к народу. А народ, который повиновется им всем (отметим, что линия истинного разграничения именно здесь: между самыми «малыми» из тех, кто повелевает, и народом, который весь целиком должен безмолвно повиноваться, между теми, кто облечен какой-то властью, и стадом, между государственным аппаратом и — хорошими или дурными — подданными), тоже разделен на несколько порядков и рангов так, чтобы над каждым из них были высшие, которые отвечали бы за весь свой порядок перед чиновными, а чиновные перед верховными сеньорами. Так, посредством множества разделений и подразделений, составляется из многих порядков обобщенный порядок (вот поворот, ведущий к трем функциям) и из многих сословий хорошо устроенное государство, где царит добрая гармония и согласие и сообразность в отношениях снизу доверху; так что в конце концов через порядок бесчисленные порядки приходят к единству.»*

По этой теории порядок покоится на множественности порядков, на нанизывании бинарных отношений, когда один человек отдает приказы другому, который их исполняет или передает. К этой исходной мысли присоединяется другая, менее очевидная: что такая цепь неудержимо стремится к тройственности, что на ее бесчисленные звенья накладываются три функции, то есть три «порядка». Почему? Как? По правде сказать, таинственным образом, во всяком случае, необъяснимым. Необъяснимым? В этом месте рассуждения образуется брешь. Луазо, который так заботится о доказательности, не пытается доказать необходимость подобного наложения. Он просто констатирует: одни, — говорит он, — особо посвятили себя такому служению, те — другому, а эти — третьему. Трифункциональность сама собой разумеется. Она в порядке вещей.

Однако Луазо понимает, что надо было бы подкрепить дополнительным доводом тот постулат, на котором зиждется весь его «Трактат». В заключение пролога он приводит латинский текст, извлеченный из «Декрета» Грациана, *«последний канон восьмидесяти девятого раздела»*. Он не подозревает — или, по крайней мере, не показывает знания, — что этому тексту в ту пору более тысячи лет. Это вступительная часть письма, адресованного в августе 595 г. папой Григорием Великим епископам королевства Хильперика; папа призывает их признать первенство епископа Арльского в делах церковной дисципли-

ны¹. «Провидение установило различные звания (gradus) и отдельные порядки (ordines), дабы если низшие (minores) выказывают почтение (reverentia) к высшим (potiores), а высшие одаряют любовью (dilectio) низших, то из различий возникли бы истинное согласие (concordia) и связь (contextio: слово, относящееся к вещам совершенно конкретным, — ткани, основе). Ведь община (universitas) не может существовать никак иначе, как только если ее хранит всеобъемлющий порядок различия. Тому, что миром нельзя управлять при равенстве, учит нас пример небесных воинств: есть ангелы, есть архангелы, каковые очевидно не равны между собой: одни отличаются от других по могуществу (potestas) и по чину (ordo).» Здесь все. Конечно, не объяснение трифункциональности. По крайней мере, ее обоснование. Ибо если существуют отношения подобия между небом и землей, то устройство человеческого общества непременно отражает устройство общества более совершенного; оно с несовершенством воспроизводит те иерархии, те неравенства, которые поддерживают порядок в обществе ангелов.

* * *

Обращаться к «Трактату о Сословиях» в начале труда, посвященного трифункциональной модели, естественно. Неожиданнее будет выглядеть здесь такое утверждение: есть только *«три дороги для молодых людей — дорога священника, дорога крестьянина, дорога солдата... Духовное сословие, поскольку в нем заключены уже, и в степени более высокой и более чистой, все добродетели солдата... Труд земледельца, поскольку он, помещая человека в постоянное соприкосновение с природой и Создателем, внушает ему добродетели стойкости, терпения и упорства в усилиях, которые естественно ведут его к героизму, необходимому на поле сражения»*. Три «сословия» (этот термин тут есть), три функции (те же самые: служить Богу, охранять государство силой оружия, извлекать пропитание из земли), и в иерархию они выстроены таким же образом. Одно уточнение: те, кого Луазо называет «одни и другие», здесь обозначены как «молодые люди», иначе говоря, взрослые особы мужского пола, пола женского эта классификация не касается. И два различия. Здесь говорится не о «порядках», но о «дорогах», путях, и притом избираемых, о призваниях, хотя они еще и образуют ступени, поскольку один и тот же человек мог бы, должен бы вступать сначала на третий путь, затем на второй, наконец, на первый, и, возлагая на себя в течение жизни поочередно три миссии, таким образом постепенно «восходить» от земли к небу, от «природы» к «Создателю». Итак, последовательные ступени совершенства, «очищения». Шкала добродетелей: рассуждение это скорее моральное, чем политическое; предлагает оно на самом деле аскезу. С другой стороны, эти три «дороги» — не единственные. Они просто хорошие. О других это манихейское рассуждение не говорит ни слова. Ибо оно их осуждает. Оно проклинает, отвергает, уничтожает целую часть общества. Оно провозглашает, что не уклоняются, отвечают на зов Бога только священник, воин, крестьянин. Вот здесь-то и возникает глубокое согласие между утверждениями Луазо и этими, гораздо более поздними: их можно прочесть в сочинении, изданном в Париже в 1951 г. Оно называется «Наше славное ремесло солдата, а также Попытка нарисовать моральный портрет командира», его автор — г. де Торка.

¹ Ep. 54, PL 77, 785—87.

Есть очень схожий образ совершенного общества, который создают две перекликающиеся фразы, две латинские фразы; перевести их можно так:

1) *«Итак, тройственен дом Божий, который кажется единым: здесь одни молятся (orant), другие сражаются (pugnant), третьи же трудятся (laborant); как-вые трое пребывают вместе и не могут быть разделены; так что на служении (officium) одного покоятся дела (opera) двух других, и все в свой черед помогают всем.»*

2) *«Он показал, что изначально род людской был разделен на трое, на людей молитвы (oratoribus), земледельцев (agricultoribus) и воинов (pugnatoribus); он представил убедительное доказательство того, что каждый есть с одной и с другой стороны предмет взаимной заботы.»*

Итак, три функции, те же самые три, и похожим образом связанные. Но на сей раз это утверждение идет из глубины веков. Оно было высказано за шестьсот лет до Луазо, за девятьсот пятьдесят лет до г. де Торка, в двадцатые годы XI века Адальбероном, епископом Ланским, и Герардом, епископом Камбрейским.

Сопоставляя эти тексты, я хотел бы показать, что во Франции на протяжении целого тысячелетия неизменно присутствует некое представление об устройстве общества. Треугольная фигура, на которой в сознании епископов тысячного года зиждалась мечта об обществе едином и троичном, как то божество, которое его создало и которое будет его судить, и где обмен взаимными услугами приводит к единству разнообразие человеческих действий, — эта фигура ничем по сути не отличается от той, с чьей помощью на символической, быстро введенной в обиход первыми шагами гуманитарных наук, была создана теория подведения выстроенного в шеренги народа под иго абсолютной монархии. И за ту же самую треугольную фигуру в наше время, в тех областях, которые, разумеется, неумолимо сокращаются, но в которых жизнь еще теплится, цепляется тоска по человечеству преображенному, очищенному наконец от той двойной скверны, белой и красной, что порождается большим городом, тоска по человечеству, избавленному разом и от капитализма, и от рабочего класса. Тридцать, сорок сменивших друг друга поколений рисовали себе совершенное социальное устройство как трифункциональность. Такое представление выдержало все атаки истории. Это уже структура.

Структура, встроенная в другую, более глубинную, более обширную, всеобъемлющую, в систему также трифункциональную, которую работы Жоржа Дюмезиля так убедительно связали с различным образом мысли индоевропейских народов. Среди этих трех функций, отмеченных в текстах, которые терпеливо собирались от Инда до Исландии и Ирландии, первая именем неба возвещает правило, закон, то, что устанавливает порядок; вторая, грубая, напористая, принуждает к повиновению; наконец, третья, функция плодородия, здоровья, изобилия, наслаждения, осуществляет «мирные занятия», о которых говорит Шарль Луазо; а с другой стороны — три «порядка» того же Луазо, три «дороги» г. де Торка, священники, воины и крестьяне епископов Камбрейского и Ланского: связь очевидна. Очевидна настолько, что о ней не стоило бы и говорить, если бы не затем, чтобы лучше обозначить границы исследования, результаты которого изложены в этой книге.